Юревич Андрей Владиславович,
член-корреспондент РАН,
доктор психологических наук,
зам. директора Института
психологии РАН,
yurev@orc.ru

Цапенко Ирина Павловна,
доктор экономических наук,
ведущий научный сотрудник
Института мировой экономики
и международных отношений РАН,
tsapenko@bk.ru

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОЦЕНКЕ МИРОВОГО ВКЛАДА РОССИЙСКОЙ НАУКИ*

Неадекватность источников данных

В последние годы все чаще предпринимаются попытки количественной оценки эффективности отечественной науки, в том числе и социогуманитарной, а адекватность результатов такой оценки стала очередной ареной противостояния реформаторов и их оппонентов. При этом используются критерии и методики, широкое применение которых за рубежом рассматривается как гарантия их адекватности, хотя и там они имеют немало противников, а «применение цитат-индексов при принятии решений о финансировании науки вызвало сильную реакцию протеста у ученых многих стран» [1, с. 62–63]. Особую известность приобрели громкие акции протеста, устроенные эмоциональными французскими и в целом более спокойными германскими профессорами.

В нашей стране соответствующие дискуссии сильно политизированы, нередко увенчиваются обвинениями в полной неэффективности отечественной науки в виду того, что по интегральному импакт-фактору российские статьи занимают 37-е место в мире, 55% российских работ вообще не цитируются и т. п. Ситуация усугубляется тем, что в наших российских условиях поляризации сторонников и противников цитат-индексов и т. п. носит ярко выраженный ведомственный характер. «Сторонники использования показателей публикационной активности, связанные с Минобрнауки, безоговорочно поддерживают применение библиометрических показателей» [1, с. 64], в то время как их противники представляют, главным образом, научное сообщество.

Обвинения в неэффективности особенно часто звучат в адрес нашей социогуманитарной науки, где отставание России по числу научных публикаций в международных журналах особенно очевидно (табл. 1).

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 11-03-00513а, и Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 12-06-00208-а.

Таблица 1. Число опубликованных научных статей, индексируемых в базах данных Thomson-Reuters and Scopus, по некоторым странам гражданства / аффилиации авторов статей, 2007

	Thomson-Reuters			Scopus	
	Естественные науки (SCI-E)	Социальные науки (SSCI)	Гуманитарные науки (A&HCI)	Социальные науки (SOCSCI)	Гуманитарные науки (ARTS)
США	205 320	40 877	7367	30 874	2770
Великобритания	51 844	12 749	2426	13 732	1450
Канада	35 763	5861	1074	5719	479
Германия	59 628	4678	924	4651	438
Австралия	22 376	4167	523	4540	293
Нидерланды	18 772	3573	316	3559	194
Франция	42 563	2200	1018	2872	396
Испания	27 338	2298	518	2519	193
Китай	62 063	1980	197	5225	261
Италия	33 355	1758	362	2214	181
Япония	60 557	1489	109	1988	103
Респ. Корея	22 818	874	72	934	53
Турция	14 322	848	77	1052	44
Бразилия	16 705	813	72	1627	153
ЮАР	4226	669	150	778	84
Мексика	7727	668	91	423	10
Индия	26 810	630	51	1496	90
Россия	21 717	390	114	299	78
Чешская Респ.	5116	263	86	302	25
Польша	10 615	258	75	426	44
Болгария	1586	33	5	83	6

Источник: [2, с. 384–385]

Как отмечают специалисты по данной проблеме, «расплодившиеся в последнее время в России многочисленные поклонники и пропоненты подсчета журнальных публикаций, импакт-факторов и числа ссылок не очень знакомы с содержательными характеристиками этих показателей» [3, с. 13–14]. Однако радует то, что дискуссии начинают разворачиваться и в среде специалистов по изучению науки, способных, абстрагировавшись от политических позиций, оценить достоинства и недостатки предлагаемых подходов.

Ими отмечается, в частности, что «Анализ числа журнальных публикаций и уровня их цитируемости чаще всего проводится на материалах базы данных Web of Science (WoS), принадлежащей ныне компании Thompson Reuters Corporation» [3, с. 3], а это порождает довольно нелепые результаты. Так, согласно данной информационной системе, которая является старейшей и наиболее авторитетной в данной области (Там же), все отечественные философы вместе взятые в 2000-е годы публиковали в международных журналах, издаваемых за рубежом, порядка 3–4,

а социологи – 2–3 статей в год (табл. 2), в то время как в действительности, например, только сотрудники Института философии РАН, далеко не исчерпывающие весь корпус отечественных философов, ежегодно публикуют там от 40 до 80 статей [4, с. 141].

Таблица 2. Публикации российских авторов по экономике, социологии, истории и философии, учтенные в базе данных WoS, 1993–2008 годы

Показатели	Число публикаций				Распределение публикаций, %			
	Экономика	Социология	История	Философия	Экономика	Социология	История	Философия
Всего	**695**	**2575**	**1927**	**801**	**100**	**100**	**100**	**100**
Статьи	571	2238	1277	625	82	87	66	78
Прочие публикации	124	337	650	176	18	13	34	22
Российские издания*	**–**	**2503**	**1615**	**557**	**–**	**97**	**84**	**69**
Статьи	–	2189	1106	435	–	85	58	54
Прочие публикации	–	314	509	122	–	12	26	15
Переводные издания**	**201**	**–**	**–**	**152**	**29**	**–**	**–**	**19**
Статьи	198	–	–	128	29	–	–	16
Прочие публикации	3	–	–	24	0	–	–	3
Иностранные издания	**494**	**72**	**312**	**92**	**71**	**3**	**16**	**12**
Статьи	367	47	171	62	53	2	9	8
Прочие публикации	121	23	141	30	17	1	7	4
Ошибки	6	2	–	–	1	0	–	–

* – Социология: «Социологические исследования». История: «Вопросы истории», «Отечественная история». Философия: «Вопросы философии».

** – Экономика: «Problems of Economic Transition», 1993–2000; «Matekon», 1993–1994. Философия: «Russian Studies in Philosophy».

Источник: [3]

Аналогичные расхождения реальности и баз данных WoS проявляются и в других социогуманитарных дисциплинах. Как констатируют А. А. Гусейнов и А. В. Рубцов, «Что же касается наиболее известных зарубежных баз данных, таких как, например, Web of Science, Scopus и др., то отечественная гуманитаристика по целому ряду объективных и субъективных обстоятельств представлена там не то что не полно, а убогими несколькими процентами от того, что на самом деле имеет место в нашем корпусе публикаций и ссылок» [5, с. 140].

Вряд ли столь респектабельное учреждение, как Корпорация Томпсона, можно заподозрить в заведомой некомпетентности или в умышленном принижении вклада российской науки. Но даже базы данных WoS неспособны учесть публикации российских ученых во *всех* международных научных журналах, а та подборка журналов, на основе которых формируется оцениваемая выборка, хотя и впечатляет своим размером, вряд ли может считаться репрезентативной. Налицо проблема адекватности источников данных, имеющая много общего с хорошо известной в социогуогуманитарных дисциплинах проблеме репрезентативности используемых выборок. К тому же, как подчеркивают авторитетные исследователи науки, такие как С. Фуллер, если наиболее известные естествоиспытатели всего мира в основном публикуются в достаточно узкой группе журналов, которые считаются наиболее авторитетными, то в социальных науках нет согласия в отношении того, какие журналы считать самыми значимыми [6][1].

Среди журналов, включенных в базы данных WoS, на основе которых принято делать выводы о величине вклада в мировую науку, от 25% до 70% (в разных дисциплинах – по-разному) издается в США, а от 10% до 35% – в Англии (табл. 3).

Таблица 3. Распределение журналов по социогуманитарной тематике, включенных в базу данных WoS, по месту (стране) издания, начало 2012 года

Страна	Экономика	Социология	История	Философия	Политология	Юриспруденция	Психология
Общее число журналов, единиц							
Всего, В том числе	**314**	**138**	**274**	**168**	**152**	**143**	**401**
США	150	65	93	59	71	97	239
Великобритания	53	36	66	17	52	23	86
Нидерланды	43	8	10	23	3	10	17
Германия	12	5	18	10	4	2	18
Франция	2	3	19	10	4	0	4
Италия	2	0	14	8	0	0	1
Испания	3	2	13	7	2	2	9
Канада	0	1	6	5	1	0	3

[1] В данной связи следует привести и наблюдение Д. Прайса о том, что, если в естественнонаучных дисциплинах круг чтения носит концентрированный и четко очерченный характер, то в социогуманитарных науках он является дисперсным и расплывчатым [7]. А Л. Харгенс продемонстрировал, что наиболее часто цитируемые источники в социогуманитарных науках сменяются намного чаще, чем в естественных [9].

Продолжение таблицы 3

Страна	Экономика	Социология	История	Философия	Политология	Юриспруденция	Психология
Общее число журналов, единиц							
Япония	1	1	0	0	0	0	2
Китай	2	0	0	0	0	1	0
Россия	0	1	2	1	0	0	2
Другие	46	16	33	28	15	8	20
Структура журналов, %							
Всего, в том числе	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
США	47,8	47,1	33,9	35,1	46,7	67,8	59,6
Великобритания	16,9	26,1	24,1	10,1	34,2	16,1	21,4
Нидерланды	13,7	5,8	3,6	13,7	2,0	7,0	4,2
Германия	3,8	3,6	6,6	6,0	2,6	1,4	4,5
Франция	0,6	2,2	6,9	6,0	2,6	0,0	1,0
Италия	0,6	0,0	5,1	4,8	0,0	0,0	0,2
Испания	1,0	1,4	4,7	4,2	1,3	1,4	2,2
Канада	0,0	0,7	2,2	3,0	0,7	0,0	0,7
Япония	0,3	0,7	0,0	0,0	0,0	0,0	0,5
Китай	0,6	0,0	0,0	0,0	0,0	0,7	0,0
Россия	0,0	0,7	0,7	0,6	0,0	0,0	0,5
Другие	14,6	11,6	12,0	16,7	9,9	5,6	5,0

Источник: [8]

«К настоящему времени оперативно и масштабно организованные базы данных – по преимуществу, если не исключительно, американские – фактически сделались для всего мира основными источниками и законодателями количественно-эмпирических обследований науки» [4, с. 134], – пишет Н. В. Мотрошилова. Трудно не признать, что «Их повсеместному использованию в немалой степени способствовало то, что некоторые сегменты статистических обсчетов… были более или менее добротными, носили именно фактический характер и могли подвергаться проверкам и уточнениям» [4, с. 134–135]. Тем не менее, налицо явное смещение и американоцентризм[2] используемых выборок (табл. 4), отражающих доминирование западной, в первую очередь американской

[2] Подчеркнем, что американоцетризм создает в мире искаженную картину не только российской науки, но и науки других стран. Например, как пишет Н. В. Мотрошилова, «Мы дожили до того, что европоцентризм, некогда господствовавший в философии, все больше уступает место американоцентризму, объективно дискриминирующему, например, интересную и уже интернационально замеченную философскую мысль стран Южной Америки» [4, с. 144].

науки в мировом мейнстриме, которое, как отмечается во Всемирном докладе по социальным наукам, опубликованном ЮНЕСКО, угрожает неблагоприятно сказаться на общем состоянии социогуманитарных исследований [2, с. 144].

Таблица 4. Распределение статей по социальным наукам, индексируемых компанией Thomson (Social science citation index), по регионам мира, 1998–2007 годы

Регионы	Доля региона в общем числе статей, %
Северная Америка	52,2
Европа*	38
Азия*	8,9
Латинская Америка	1,7
Австралия и Океания	4,7
Африка	1,6
СНГ	1,2

* – без учета стран СНГ

Источник: [2, с. 150]

Известны и другие принципиальные недостатки баз данных WoS: их лингвистическая асимметрия – явный крен в сторону англоязычных публикаций и принижение значимости работ на таких языках, как испанский, итальянский, японский, китайский, корейский и, естественно, русский, порождающие «асимметрию в международной видимости» и иерархии результатов научной деятельности [2, с. 3] (табл. 5). В упоминавшемся докладе ЮНЕСКО отмечается и то, что «лингвистические преимущества англоязычных стран способствуют усилению конкурентных преимуществ этих стран в науке и в связанном с ней бизнесе, в частности, издательском» [2, с. 154].

Таблица 5. Распределение статей по социальным наукам, индексируемых компанией Thomson (Social science citation index), по основным языкам их публикации, 1998–2007 годы, %

Языки публикации	Доля статей %
Английский	94,45
Французский	1,25
Немецкий	2,14
Испанский	0,40
Португальский	0,08
Японский	0,06
Голландский	0,01
Итальянский	0,01

Источник: [2, с. 151]

Отмечается также отсутствие учета прочих видов печатной научной продукции – статей в сборниках, материалов конференций, а, главное, монографий[3] [10]. Вместе с тем сведение проблемы лишь к *неадекватности источников данных и способов их формирования* было бы ее сильным упрощением. Существуют и другие ее стороны, обращение к которым вынуждает говорить о неадекватности самого сложившегося *подхода* к оценке мирового вклада национальной науки.

Механизмы «социализации» знания

Прежде всего, *нельзя сводить вклад в мировую науку к вкладу в мировой массив научных публикаций*. Например, такие ученые, как И. В. Курчатов и С. П. Королев, по понятным причинам не публиковались ни в отечественных, ни тем более в международных научных журналах. Можно ли на это основании сделать вывод о том, что они не внесли никакого вклада в мировую науку? Или задать другой не менее нелепый вопрос: к какому количеству публикаций можно приравнять запуск первого в мире космического аппарата? А в социогуманитарных дисциплинах аналогичной нелепостью была бы оценка вклада таких мыслителей, как, например, М. К. Мамардашвили, по количеству их публикаций.

В данной связи следует упомянуть и о том, что вообще одна из главных функций социогуманитарной науки – сделать человека и общество лучше, причем не столько все человечество, сколько общество в той стране, в которой та или иная национальная наука развивается. В результате совершенно естественно, что отечественная социогуманитарная наука в основном изучает те проблемы, которые характерны для современного российского общества. Приведем примеры названий статей, публикуемых одним из наших ведущих социологических журналов: «Психографика: к описанию стиля жизни россиян», «Идеология потребления в советском обществе», «Самоубийства в Ивановской области: анализ временных трендов», «Биографическое обследование российской социологии: предварительные теоретико-методологические замечания», «Принцип иерархии в представлении россиян о власти», «Отношение к богатству и бедности современных россиян», «Нравственность в современной России», «Программа дополнительного лекарственного обеспечения России: интересы и поведение основных участников», «Национальные аспекты российского социологического дискурса» и т. п.

Далеко не всякий международный научный журнал примет публикации на внутрироссийские темы, а если и примет, то в очень ограниченном количестве – дабы не загружать читателей из других стран не слишком интересными для них проблемами, скажем, отношения россиян к богатству и бедности или самоубийств в Ивановской области. Налицо и очевидная несостыковка «национальной привязки» наших статей с те-

[3] А. А. Гусейнов и А. В. Рубцов подчеркивают, что «гуманитарное знание основным модулем публикаций очень часто имеет не статью, а именно книгу» [5, с. 141].

матическим американоцентризмом журналов, включенных в базы данных WoS. Например, по состоянию на начало 2009 года в нее были включены 221 журнал по истории, из которых 76 издаются в США. Из этих 76 журналов 15 – журналы по различным аспектам истории США, а 18 посвящены истории отдельных американских штатов или регионов США [3].

Как пишут А. А. Гусейнов и А. В. Рубцов, «Социология, этнография, история, литературоведение, лингвистика, целый спектр разделов философии – многое в этих и целом ряде других отраслей знания представляет огромный интерес для отечественной науки, для нашего общества, но совершенно не касается сферы интересов других стран, которые занимаются переводом научной литературы и одновременно контролируют наиболее известные базы данных» [5, с. 140], «эти публикации за рубежом не читают не потому, что они слабые, а просто потому что и не должны» [Там же]. Большая часть наших статей в области социогуманитарных наук не годятся для международных журналов, но не в силу своих содержательных недостатков, а вследствие национальных особенностей своей тематики. Приблизить же свои исследования к тематике международных журналов и, соответственно, удалиться от наиболее злободневных проблем нашей страны, означало бы для отечественных социогуманитариев вызвать в нашем обществе массовое ощущение, что деньги налогоплательщиков тратятся учеными впустую. Подчас наши социогуманитарии вынуждены выбирать между повышением своего цитат-индекса в международных журналах и, например, тем, как найти пути уменьшения безработицы или беспризорности в России, а выбор ими последнего свидетельствует не об их неэффективности, а об их патриотичности. Совершенно справедливо отмечается, что «российское научное сообщество в первую очередь должно работать на свою страну, а цитирование в англоязычных, прежде всего американских, журналах вряд ли должно быть главным критерием» [10, с. 581]. А в тех случаях, когда национальная наука чрезмерно космополитична и полностью подстраивается под западную, у нее возникают трудности в своей стране. Например, индийских ученых постоянно обвиняют в том, что они работают исключительно на Запад в ущерб решению проблем собственной страны [11, с. 12].

Вообще, по убеждению ряда исследователей, по индексу цитировании и другим подобным показателям корректно сравнивать лишь научные организации одной страны [12], при этом и сравнение разных научных дисциплин[4] вызывает большие сложности в виду различий существующих в них традиций цитирования, соавторства и т. п. На этой в целом правильной идее основана разработка *национальных индексов научного цитирования*, таких как РИНЦ (Российский индекс научного цитирования). Аналогичные национальные базы данных создаются в Китае, Японии и в других странах.

[4] Так, например, импакт-фактор в биологии выше, чем в физике, в физике выше, чем в математике, в экономике выше, чем в социологии, в социологии выше, чем в философии и т. д. (см.: [14]).

Уместно обратить внимание и на неадекватность общего образа науки, стоящего за практикой подсчета цитирований. Согласно этому образу, цитирование научных статей – это норма науки, а нецитирование или низкое цитирование – патология, за которой стоит их «ненужность». Вынеся за скобки такие факторы, как латентное признание значимости научных работ, многие из которых воспринимаются научным сообществом не сразу, а спустя определенное время, лишь по прошествии которого начинается их активное цитирование, подчеркнем, что вообще потребление научной информации научным сообществом устроено совершенно по-другому. Так, по данным Института научной информации США, около 40% мирового массива опубликованных научных статей вообще никогда не цитируются, а из цитируемых 70% цитируются один раз в год, 24% – 2–4 раза, около 5% – от 5 до 9 раз, и менее 1% – 10[5] и более раз в год [13]. Т. е. *нормой для науки является редкое цитирование научных статей*, а их частое цитирование – напротив, своеобразной «патологией». Но можно ли из приведенного распределения сделать вывод о том, что не- и низкоцитируемые научные статьи науке «не нужны», являясь бесполезными «отходами» научного производства? Это было бы столь же нелепо, как и признать «научными» только исследования, приводящие к научным открытиям, отказав в статусе научности всем поискам научной истины в ошибочных направлениях.

Трудно не заметить, что используемые ныне показатели вклада в мировую науку имеют достаточно выраженный *однополярный* смысл. Если ученый имеет много публикаций и высокий индекс цитирования в международных научных журналах, то действительно есть весомые основания считать, что он вносит ощутимый вклад в мировую науку. Но нет оснований констатировать, что ученые, не преуспевшие по подобным показателям, вклада в нее не вносят. Делать выводы об их низкой продуктивности, а, тем более, начислять им зарплату в соответствии с этими показателями, означает искажать достаточно очевидный (но, к сожалению, не для всех) логический смысл последних.

В последнее время все чаще акцентируются и негативные последствия манипулятивного использования показателей научного цитирования, что порождает не слишком честные стратегии целенаправленного повышения подобных показателей: «ученые характеризуют эти способы как изощренное лукавство» [1, с. 64]. Так, например, Хе Цзи Хуань, главный редактор более 20 журналов, опубликовал в них 137 статей, в которых умудрился более 3000 раз сослаться на самого себя.

Достаточно известны и *механизмы* обретения известности в мировой науке. Упрощенное отношение к ней предполагает рассмотрение этих

[5] На подобной статистике, в частности, основана идея о том, что научные журналы существуют не для читателей научных статей, а для их авторов, давая им возможность воплощать в жизнь сформулированное Р. Мертоном кредо: «Публикуйся или гибни».

механизмов исключительно в *когнитивной плоскости*. Дескать, ученый создает новое научное знание, которое тут же становится известным его коллегам во всем мире, и он обретает заслуженное признание. Такое, действительно, случается, причем не всегда предполагает публикации именно в американских научных журналах, а, например, публикации в Интернет, как в случае Г. Перельмана. Однако гораздо чаще, особенно в социогуманитарных науках, бывает по-другому: обретение ученым мировой известности предполагает различные социальные механизмы, в т. ч. и механизмы *«социализации» самого произведенного им научного знания*.

Известный исследователь науки У. Корнхаузер разделил всех ученых на два типа – «местников» и «космополитов». Первые, в силу их личностных особенностей, преимущественно обитают в своих исследовательских организациях, редко покидают родные пенаты, нечасто выезжают за рубеж, публикуются в основном в национальных научных журналах и т. п. Вторые ориентированы на международные научные контакты, а их научная деятельность протекает в основном за пределами организаций, в которых они работают. Корнхаузер не оставляет сомнений в том, что и те, и другие нужны мировой науке и вносят в нее вклад, но деятельность «местников» менее публична, а их достижения становятся известными в мировой науке благодаря органически дополняющим их «космополитам» [15].

Близкий характер носит классификация Ю. М. Плюснина, отмечающего, что в современной науке отчетливо проступают два типа ученых – «цеховики», научное знание производящие, и «презентаторы», его распространяющие [16], а также другие подобные классификации ученых [17]. Естественно, основные «дивиденды», в т. ч. и такие, как международное признание, достаются преуспевающим в пиаре «презентаторам», однако без куда менее заметных «цеховиков» им было бы нечего пиарить.

В данной связи представляют интерес данные о том, что сейчас примерно четверть своих статей российские авторы публикуют в соавторстве с зарубежными коллегами, причем такие совместные статьи цитируются намного чаще, чем индивидуальные статьи российских авторов (не потому ли, что зарубежные коллеги выступают в очень полезной роли «толкачей» совместных статей?). Но еще более любопытно наблюдение о том, что инициатива в публикации таких статей исходит от иностранцев, а ключевые идеи, на которых основаны статьи, – от наших соотечественников, которые при этом «почти всегда выступают в роли бедных родственников» (цит. по: [1, с. 70]).

Возвращаясь к У. Корнхаузеру, подчеркнем, что он разработал свою классификацию применительно к мировой, а не к какой-либо национальной науке. Но в отношении российской науки она приобретает особый смысл, причем не только в связи с длительным существованием «железного занавеса» и его последствиями. Материальные трудности поездки российских ученых за рубеж и бюджеты наших научных учреждений общеизвестны. Общеизвестно и значение языкового фак-

тора[6], а также другие социальные проблемы адаптации отечественных ученых к контексту мировой, преимущественно англоязычной и американоцентристской науки. Но и там обретение ученым признания предполагает его активное включение в систему социальных связей, нередко – активный пиар его деятельности, наличие влиятельных покровителей, необходимость попасть на глаза и произвести хорошее впечатление на т. н. «привратников» (gatekeepers), которые выносят и распространяют в научном сообществе суждение о других его членах [6]. Один из наиболее авторитетных исследователей научных коммуникаций Д. Прайс подчеркивает, что «весь фронт исследования занят “глыбами” авторов, размером примерно в 100 чел., а в пределах каждой такой “глыбы” действует немногочисленное ядро ученых, которые связаны друг с другом сильным взаимодействием» (цит. по: [18, с. 105]). Во многом поэтому С. Фуллер формулирует «норму мафиозности» как один из главных неформальных регулятивов научной деятельности и противопоставляет ее «норме коммунизма» (или «коммунализма»), сформулированной Р. Мертоном [6].

Следует отдать должное и разнообразию *мотивов научного цитирования*, которые активно изучались еще в 60-е годы прошлого века. В этих исследованиях отчетливо обозначился т. н. «школьный эффект» – цитирование учеными преимущественно представителей своей научной школы, а также такие феномены, как «свой-чужой» («свои» – друзья, коллеги и т. п. при прочем равенстве цитируются намного чаще), почти обязательное упоминание своего начальника, других лиц, которых, в силу политических соображений, нельзя не упомянуть, и т. п. Яркие образцы в этом плане поставляла советская наука, где цитирование классиков марксизма-ленинизма и лидеров государства носило обязательный характер во всех науках, даже имевших к тем и другим весьма отдаленное отношение. Но в ней в экстремальном виде проявлялось то, что характерно для всей мировой науки, где за ссылками стоят не только признание научного вклада, но и самые различные, социально-психологические и политические факторы. Следует учитывать и такой феномен, как *негативное цитирование*, упоминание авторов научных работ с целью их опровержения, а то и вообще довольно откровенного издевательства над ними.

В подобных условиях проживающие в России ученые имеют куда худшие шансы обрести известность в мировой науке, чем их коллеги, живущие в западных странах. К тому же действуют хорошо известные в социологии науки принцип «снежного кома», описанный Р. Мертоном «эффект Матвея» и др. В результате научные журналы предпочитают публиковать статьи хорошо известных авторов, обретение же известности предполагает не только научные заслуги ученого, но и упомянутые социальные механизмы.

---

[6] Научную статью на английский язык, конечно, можно перевести и с помощью переводчика, однако не у всякого российского ученого есть на это свободные 500 долларов.

Симптоматично расхождение восприятия заслуг отечественных ученых их российскими и западными коллегами. Например, конкурс «Проведение научных исследований коллективами под руководством приглашенных исследователей», проводимый с 2009 года в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» показал, что вклад наших ученых в отечественную науку расценивается российскими экспертами как вклад и в мировую науку, а западными – как вклад только в науку российскую. Соответственно, известность в российской науке первые рассматривают как эквивалентную мировой известности, а вторые – как недостаточную для нее. Возникают и явные расхождения в понимании того, что считать «мировым уровнем» ученого. Наши понимают его как высокий научный уровень ученого, отвечающий мировым стандартам, их зарубежные коллеги – как мировую известность, прежде всего, естественно, в западной науке, а ситуации, когда ученый мирового уровня может быть мало известен за рубежом, считают нонсенсом.

Англо-американоцентризм современной науки не сводится только к языковому фактору. Так, и российские ученые, и ученые – выходцы из других стран, подолгу живущие в США или Англии и прекрасно пишущие на английском языке, часто сетуют на доминирование в международных социогуманитарных журналах американцев и англичан, которые очень неохотно принимают туда статьи, не выдержанные в русле англо-американских парадигм, а, тем более, им противоречащие. Например, российский психолог Е. В. Субботский, ныне работающий в Университете Ланкастера, пишет, что «свободомыслие» в западных культурах вовсе не означает свободы публикации теоретических статей, противоречащих взглядам британских и североамериканских теоретиков, которые доминируют в редакционных советах психологических журналов [19]. А эстонский психолог А. Toомела выражает уверенность в том, что последние 40 лет развития психологической науки прошли впустую (дословно: «были выброшены в пепельницу») из-за того, что она развивалась по англо-американскому пути [20].

По всей видимости, для успешного развития мировой социогуманитарной науки оптимальным является не только теоретико-методологический плюрализм, узаконенный постмодернизмом, но и *плюрализм более глобальных интеллектуальных пространств.* А ее помещение в какое-либо одно интеллектуальное пространство, скажем, построение всей мировой социогуманитарной науки по образу и подобию американской, ее существенно обедняет.

Подобные ситуации иллюстрируют, что необходимо различать мировую науку и мировой мейнстрим научных публикаций, русло которого сформировано на Западе. Мировая наука – не этот мейнстрим, а *совокупность национальных наук*, какими бы непохожими на англо-американскую науку они ни были. В нее вносит вклад каждый, кто занимается наукой и делает в ней что-либо существенное, вне зависимости от того, в какой стране он живет и в каких научных изданиях публикуется. В нее внесла вклад и т. н. традиционная восточная наука, развивав-

шаяся в Индии, Китае, странах арабского Востока задолго до появления США. Российская же наука вносит вклад в мировую по определению, являясь ее частью, а отрицать это так же нелепо, как не считать нашу страну частью человечества.

Помимо национальной специфичности науки любой страны, существующей при всей ее интернациональности и проявляющейся не только в социальной организации института науки, но и в ее когнитивных особенностях (см.: [21; 20] и др.), необходимо учитывать и *многообразие ее функций*, не позволяющее судить о ее эффективности по чему-либо одному, например, по количеству публикаций. Не пытаясь в данном контексте охватить все многообразие последних (более полные их перечни содержатся в ([22] и др.), упомянем лишь две – образовательную и прикладную.

Как хорошо известно, значительная часть наших социогуманитариев, в т. ч. и работающих в академических институтах, преподают в вузах, многие из которых созданы на базе этих институтов (что, в частности, делает часто высказываемую идею переноса академической науки в вузы довольно-таки нелепой: те академические ученые, которые хотят и могут преподавать, и так это делают). Тот факт, что лучшие вузовские преподаватели – это ученые, а не «чистые» преподаватели, тоже общеизвестен: чтобы сообщать студентам современное, а не устаревшие знание, нужно находиться на переднем крае его производства, т. е. заниматься наукой, что способствует и полезному во всех отношениях вовлечению студентов в исследовательский процесс. В результате очевидна необходимость оценки продуктивности отечественных ученых не только по количеству и резонансности их публикаций в международных научных журналах, но и по их вкладу в учебный процесс, который тоже можно количественно (труднее качественно, но и это тоже возможно) оценить – по количеству подготовленных под их руководством дипломных работ, диссертаций и т. д.

Еще чаще недооценивается *прикладная* функция социогуманитарной науки, причем, когда речь идет об этой функции применительно к науке в целом, то, как правило, имеется в виду естественная и техническая наука, а прикладной потенциал социогуманитариев систематически игнорируется. Возможно, поэтому на фоне того, что Россия вообще по затратам на одного исследователя в 3 раза отстает от среднемирового уровня, особенно низкими являются расходы на наших социогуманитариев [23]. Очевидный парадокс состоит в том, что это происходит в стране, в течение 70 лет испытывавшей на себе последствия воплощения в жизнь марксистского учения, а затем – монетаристских экономических концепций, почти столетие выполняющей функции гигантской социальной лаборатории. В современном обществе прикладной потенциал социогуманитарной науки очень востребован, хотя и не всегда используется должным образом. А его потенциальная востребованность пропорциональна остроте социальных проблем. При этом влияние социогуманитарной науки на общество, например, социальную резонансность идей, выдвигаемых социогуманитариями, тоже можно оценить

количественно, скажем, по количеству упоминаний того или иного из них в Интернет[7].

Вообще следует подчеркнуть большие и пока не используемые возможности этого информационного ресурса в оценке известности ученого. Скажем, *количество скачиваний* статьи в Интернет является вполне адекватным индикатором интереса к ней. На это можно возразить, что скачивать научные статьи могут не только ученые, и этот показатель мало говорит об авторитетности автора собственно в научном сообществе. Но все же в основном это делают ученые, а дилетанты поступают так довольно редко.

В данной связи уместно поставить и более общий вопрос – о том, что *количество прочитавших научную статью не меньше говорит об интересе к ней и о влиянии, которое она оказывает, чем количество ссылок на нее.* Влиятельность статьи вовсе не обязательно выражается в ее упоминании, а содержащееся в ней знание – в ее цитировании. Например, Н. В. Мотрошилова подчеркивает то обстоятельство, что «в великой “Критике чистого разума” почти нет цитат – в современном смысле этих слов, когда они точно берутся из текстов, выделяются (и потом кем-то подсчитываются)» [24, с. 121]. При этом Кант активно использует идеи Платона. Аристотеля, Хр. Вольфа, Лейбница, Юма и других выдающихся философов, но не прибегает к прямым ссылкам на их работы [Там же]. То же самое обстоятельство акцентируют А. А. Гусейнов и А. В. Рубцов: «есть общепринятые авторитеты и даже целые жанры, в которых ссылки в общепринятом смысле вообще отсутствуют» [5, с. 141].

Можно, конечно, возразить, что в более современных научных работах, особенно естественнонаучных, в подобных случаях принято прибегать к ссылкам. Но это не всегда так, особенно в случае обращения к наиболее «классическим» идеям, авторы которых настолько известны, что упоминание их конкретных работ теряет смысл. Более того, этот смысл более очевиден в случае ссылок на малоизвестных авторов, и возникает парадокс: во многих случаях чаще цитируются именно малоизвестные авторы.

Н. В. Мотрошилова резонно подчеркивает и то обстоятельство, что существующие методы оценки научного вклада основаны на чрезмерной рационализации образа ученого и процесса использования научной литературы. Она пишет: «В чиновных и близких им экспертных соображениях незримо и, возможно, неосознанно присутствуют представления о некоторой почти “идеальной” практике цитирования, т. е. надежда на то, что ученые цитируют друг друга “по делу” или что при всех погрешностях цитирования точные (по крайней мере сравнительные) показатели эффективности на основе цитатной работы могут быть получены наукометрами (которые, как предполагается, тоже работают “образцо-

---

[7] Эту важную сторону науки – ее влияние на общество посредством популяризаторской и публицистической деятельности – акцентирует и Б. Г. Юдин, подчеркивая при этом, что она совершенно не учитывается традиционными показателями научной продуктивности [25].

во" или просто хорошо)» [24, с. 124]. Кроме того, практика применения наукометрических методов, что особенно существенно, исходит из неверных представлений о *функциях научных ссылок*. Выражение респекта – одна из них, но далеко не единственная и не самая важная. А самой важной является *подтверждение представлений автора или опровержение его оппонентов.* Для этого используются самые разнообразные источники информации, а не только ссылки на наиболее авторитетных ученых. Научная статья – *не доска почета*, а, скорее, «поле битвы» между различными воззрениями на изучаемый ученым объект. При этом используются преимущественно наиболее удобные для автора ссылки вне зависимости от того, кому именно принадлежат цитируемые работы. Многое зависит и от того, какие источники более доступны автору, а у статьи или книги, которая находится у него под рукой, больше шансов быть упомянутой, а тем более процитированной, чем у той, которую надо искать в Интернет или заказывать в библиотеке.

Подобные сюжеты выводят еще на один важный аспект проблемы: *влияние национальной науки и конкретных ученых на мировую науку нельзя сводить лишь к их непосредственному влиянию*. Приведем наиболее банальный пример: некий российский ученый не имеет международного признания и никогда не публиковался в международных научных журналах, а группа его учеников, уехав за рубеж, выходит там на ведущие позиции. Можно ли утверждать, что их учитель не оказал на мировую науку никакого влияния? Подобные ситуации особенно актуальны в связи с тем, что из нашей страны за рубеж эмигрировали целые научные школы, в США проживают более 16 тыс. докторов наук – выходцев из СССР, более 3000 выходцев из советской науки трудятся в Силиконовой долине, и т. п. Однако подобные формы влияния, например, основателей научных школ, на мировую науку остаются за кадром, хотя, видимо, в таких случаях речь идет о достаточно существенном, но не прямом, а о *косвенном* влиянии, которое, с учетом сложности механизмов распространения научных идей и знаний, по объему и значимости намного превышает влияние прямое.

В данном плане очень поучителен *феномен Л. С. Выготского*, который сейчас является одним из самых высокоцитируемых психологов, причем со временем его индекс цитирования только нарастает [26]. Этот ученый никогда не публиковался в зарубежных журналах, а его «открытие» мировой психологической наукой произошло после его смерти. Однако творивший за «железным занавесом» Выготский стал куда более известен в зарубежной психологии, нежели современные российские психологи, в том числе эмигранты и полуэмигранты, состоящие с ней в плотных контактах и постоянно публикующиеся в международных, т. е. англо-американских, журналах. Этот пример поучителен во многих отношениях, в том числе и в плане иллюстрации непростых путей, которыми ученый обретает мировую известность, и возможности ее латентного (иногда посмертного) обретения. В подобной связи В. Аджиев справедливо отмечает, что одна статья, на которую в свое время не обратили внимание, в долговременной

перспективе может оказаться более значимой, нежели сотни других, характеризующихся более высокой цитируемостью [27]. То же самое обстоятельство акцентирует А. П. Огурцов, который пишет: «можно найти массу случаев, когда та или иная статья выпадала из памяти научного сообщества и лишь намного позднее (иногда через десятки лет) она всплывала в памяти, на нее стали ссылаться и она входит в научное знание как работа, положившая начало тому или иному исследовательскому направлению» [14, с. 102].

Прагматический смысл показателей

Возникает вопрос и о *прагматическом смысле* для той или иной страны вклада ее ученых в мировую науку, оцениваемого по используемым ныне показателям. Вроде бы здесь все просто: чем больше этот вклад, тем продуктивнее национальная наука, тем значительнее ее вклад и в социально-экономическое развитие страны, тем больше преуспевает страна и тем лучше живут ее граждане. Но так ли это на самом деле? В табл. 6 приведены данные, позволяющие судить о степени благополучности 20 стран, согласно базам данных WoS вносящих наибольший вклад в мировую науку, а в табл. 7 – корреляции между соответствующими показателями.

Таблица 6. Показатели качества жизни в странах, согласно базам данных WoS вносящих основной вклад в мировую науку

Страна	Место по доле в мировом объеме индексируемых Thompson Reuters статей, 2007 г.	Место по объему ВВП в долл. на душу населения, 2009 г.	Место в рейтинге стран, наиболее благоприятных для жизни, 2010 г.	Место по Индексу развития человеческого потенциала, 2007 г.
США	1	6	7	13
Китай	2	92	97	92
Япония	3	24	36	10
Великобритания	4	17	25	21
Германия	5	18	4	22
Франция	6	20	1	8
Канада	7	13	9	4
Италия	8	25	10	18
Испания	9	23	17	15
Южная Корея	10	31	42	26
Индия	11	121	88	134
Австралия	12	11	2	2
Нидерланды	13	10	11	6
Россия	14	45	111	71
Бразилия	15	72	38	75
Швеция	16	14	30	7

Продолжение таблицы 6

Страна	**Место по доле в мировом объеме индексируемых Thompson Reuters статей, 2007 г.**	**Место по объему ВВП в долл. на душу населения, 2009 г.**	**Место в рейтинге стран, наиболее благоприятных для жизни, 2010 г.**	**Место по Индексу развития человеческого потенциала, 2007 г.**
Швейцария	17	8	3	9
Турция	18	57	72	79
Польша	19	44	35	41
Бельгия	20	19	8	17

Источники: [28, 29, 30, 31]

Таблица 7. Корреляции между вкладом стран в мировую науку, оцененным по количеству статей в международных научных журналах, и рядом их социально-экономических показателей

	2	**3**	**4**
1. Вклад в мировую науку	0,12	0,11	0,08
	2. ВВП в долл. на душу населения	0,79*	0,85*
		3. Благоприятность для жизни	0,74*
			4. Индекс развития человеческого потенциала

* – корреляция значима на уровне 1%

Источник: расчеты Института психологии РАН

Как видно из табл. 7, рейтинги стран по трем использованным показателям национального благополучия – ВВП на душу населения, благоприятности для жизни и Индексу развития человеческого потенциала – в значительной мере коррелируют между собой, но ни *один из них не обнаруживает статистически значимой корреляции с величиной вклада в мировую науку*. Это можно трактовать по-разному, например, как наличие у той или иной страны латентного потенциала, который скажется на ее благосостоянии лишь по прошествии некоторого времени. Но самым естественным представляется наиболее «крамольное» объяснение, состоящее в том, что *«лучше живут» не те страны, которые вносят наибольший вклад в мировую науку, а те, которые больше «выносят» из нее, т. е. наиболее эффективно используют результаты научно-технического прогресса*.

Следует обратить внимание и на то, что используемые ныне показатели вклада в мировую науку иногда расходятся между собой. Например, Китай, Япония, Южная Корея уже в 1990-е гг. были среди мировых лидеров

по количеству публикаций в международных журналах, при этом имея – в те годы – очень скромные показатели по индексу цитирования [32]. Из этого можно было бы сделать вывод о низкой эффективности национальных наук: мол, публикаций много, а признания нет. Но, как пишет В. В. Богатов, «в отличие от России, в перечисленных странах никто не сделал выводов о слабости и ненужности национальной научной сферы деятельности. Напротив, в Японии, Южной Корее и Китае государственная поддержка научных исследований лишь усилилась» [32, с. 152].

Соответственно, если рассмотреть данный вопрос в прагматическом плане, то гипертрофированное значение вклада национальный науки в мировую предстает как стереотип, имеющий не прагматическое, а, скорее, символическое, «спортивное» значение. Аналогию со спортом можно продолжить и в том плане, что для нашей страны количество олимпийских медалей имеет большее значение, чем, например, состояние массового спорта или такие показатели, как количество убийств и беспризорников, хотя они куда важнее в плане национального благополучия, чем количество медалей. Неужели дает о себе знать своеобразный комплекс национальной неполноценности, вынуждающий нас постоянно доказывать всему миру, что мы способны преуспевать в спорте и заниматься наукой? Но надо ли стране, запустившей первого в мире космонавта и имевшей немало других выдающихся научных достижений, постоянно доказывать, что ее ученые на что-то способны? Создается впечатление, что это больше нужно чиновникам и политикам, чем ученым. Но те же политики не устают подчеркивать прагматизм, а не символический характер наших целей. А, если согласиться, например, с тем, что «Россия может и должна по качеству жизни сравняться с лидерами мирового развития» [10, с. 586], то путь к этому лежит явно не в наращивании количества публикаций в англо-американских журналах, а совсем в другом. Так стоит ли придавать столь гипертрофированный смысл символическим и к тому же многократно искаженным, напоминающим систему кривых зеркал [4], показателям?

Из отрицательного ответа на этот вопрос, впрочем, ни в коей мере не следует отсутствие необходимости активной интеграции в мировую науку, в т. ч. и посредством публикаций в журналах, входящих в базы данных WoS или Scopus. В частности, имело бы смысл выделение нашими научными фондами грантов на перевод статей российских авторов на иностранные языки. Однако следует необходимость осторожного отношения к соответствующим показателям и дополнения их другими, не учитываемыми этими базами.

Позиция «обиженных»?

Вероятно, может сложиться впечатление, что все вышесказанное выражает позицию «обиженных»: мы, российские ученые, не можем похвастаться обильным представительством в международных журналах, высоким импакт-фактором отчественных журналов, впечатляющими

индексами цитирования и т. д. и поэтому ищем удобные для нас оправдания этой ситуации. Возможно, подобный мотив действительно имеет место. Но приведем оценки существующей практики количественных оценок зарубежными авторами, которых трудно отнести к числу «обиженных» ею.

- «Использовать лишь только импакт-фактор при оценке журналов – это все равно, что при оценке здоровья человека учитывать только его вес» [33, с. 7].
- «Данные цитирований дают лишь ограниченное и неполное представление о качестве научных исследований, а статистики, полученные на основе данных цитирований, порой неправильно понимаются и используются. Научные исследования слишком важны, чтобы измерять их ценность только одним грубым инструментом» [33, с. 8].
- «Соблазн простого способа и несложных чисел (еще лучше – одного числа), кажется, побеждает здравый смысл и трезвый расчет» [33, с. 11].
- «В некоторых случаях h-индекс (индекс Хирша. – *А. Ю., И. Ц.*) или его варианты используются государственными органами, оценивающими исследования. Это не что иное, как использование данных не по назначению» [33, с. 25].
- «Ученых стали вынуждать отойти от общепринятых целей научного исследования, заменив стремление совершать открытия на желание публиковать как можно больше статей, пытаясь при этом помещать их непременно в журналах с высоким импакт-фактором. Как следствие, научная деятельность деформировалась, а полезность, качество и объективность статей ухудшились» [34, с. 39].
- «Меня, как главного редактора журнала Nature, беспокоит имеющаяся среди академической администрации тенденция сосредоточиваться на импакт-факторе журнала при оценке значимости научного вклада исследователя, влияющая на его продвижение, прием на работу и, в некоторых странах, на финансовые вознаграждения за каждую статью» [35, с. 46].
- «Огромное влияние на импакт-фактор может иметь деятельность всего лишь нескольких заинтересованных людей, причем для разоблачения этой деятельности требуются значительные усилия» [36, с. 61].
- «Эта плачевная ситуация имеет огромные последствия. Неверным способом присуждаются награды, научная литература и предметные области деформируются, вокруг всего этого растет уровень скептицизма» [36, с. 61].
- «Администраторы, финансирующие организации, библиотекари и все прочие, кому требуются такие оценки, должны отказаться от упрощенных подходов и принимать важные решения на основе вдумчивости, здравого смысла и экспертизы» [36, с. 62].

Обращают на себя внимание названия статей, из которых взяты приведенные цитаты: «Потерянное при публикации: как измерение вредит науке», «Бегство от импакт-фактора», «Гнусные цифры» и т. п., а также выраженная эмоциональность приведенных высказываний. Подчеркнем и то, что в некоторых из них прорисовывается и ставший очень характерным для российской науки сюжет – противостояние мнения научной общественности, в первую очередь, специалистов по изучению затронутых проблем, позиции «академической администрации», т. е., в нашем понимании, органов руководства наукой.

Может, конечно, возникнуть аналогия с известной политической ситуацией: демократия имеет много недостатков, но лучшего типа политического устройства человечество пока не придумало. Но в данном случае она не уместна: «Наилучшей альтернативой оценки качества журналов по показателям цитируемости является экспертная оценка» [36, с. 55]. То же самое относится к оценке вклада отдельных исследователей, институций и т. д. Здесь уместна другая аналогия. Если оценивать качество писателей и их романов по их покупаемости, то, в современной России, скажем, Дарья Донцова намного опередит Л. Н. Толстого или Ф. М. Достоевского. Но дать их компетентную оценку могут только эксперты, в данном случае литературные критики. А предположение о том, что два способа оценки научных журналов – экспертами и с помощью импакт-фактора – дадут похожие результаты, не выдерживает критики. В частности, Д. Арнольд и К. Фаулер на примере математического журнала обнаружили «удивительное несоответствие между репутацией журнала и его импакт-фактором» [36, с. 57]. Впрочем, удивительное ли?

Исследования импакт-фактора выявили и другие обстоятельства, крайне неудобные для его адептов.

- Примерно 90% ссылок, например, на математические журналы выходят за пределы двухлетнего окна, в пределах которого он подсчитывается, т. е. «импакт-фактор основывается всего лишь на 10% ссылочной активности и игнорирует подавляющее большинство ссылок» [33, с. 14].
- Импакт-фактор существенно варьируется в зависимости от выбора научной дисциплины, в результате чего с его помощью нельзя сравнивать журналы, представляющие разные дисциплины [33].
- Нельзя с его помощью сравнивать и разные типы журналов [33].
- Его нельзя использовать для сравнения отдельных работ, конкретных ученых, теоретиков и экспериментаторов, исследовательских программ и даже целых областей знания [33].
- Вообще не вполне ясен смысл импакт-фактора, и он дает весьма расплывчатую информацию [33].
- Значительная часть цитирований носит «риторический», «признательный» и т. п. характер [33].
- Тот факт, что если бы требования публиковать статьи в журналах с высоким импакт-фактором были применены в прошлом,

то многие выдающиеся ученые, включая Нобелевских лауреатов, выглядели бы неудачниками от науки [34].

- Основную часть импакт-фактора журналов дает небольшое количество опубликованных в них статей [35].
- Числа, на которых основывается вычисление импакт-фактора, очень сомнительны и не выдерживают проверки другими подсчетами [35].
- Игнорируются и такие факторы, как тип статьи (обзорный, редакционный, эмпирический или теоретический и др.), количество авторов, самоцитирование, негативное цитирование[8], язык публикации и т. д. [36].

Следует подчеркнуть и то, что даже корпорация Thomson Scientific, являющаяся цитаделью распространения импакт-фактора и других подобных показателей, предостерегает от его неосторожного использования: «Импакт-фактор не может быть использован без учета многочисленных показателей, влияющих на цитируемость, например среднего числа ссылок в одной статье. Импакт-фактор должен быть дополнен компетентной экспертной оценкой» (цит. по: [33, с. 18]). Тем не менее, как подчеркивают те же авторы, «В современном мире иногда модно провозглашать мистическую веру в то, что численные измерения превосходят другие формы понимания» [33, с. 10]. А Дж. Бест пишет: «Есть культуры, представители которых верят, что некоторые объекты имеют магическую силу; антропологи называют эти объекты фетишами. В нашем обществе своего рода фетишем является статистика» [37, с. 160].

Эта интернациональная «магическая вера» дополняется магической верой некоторых отечественных реформаторов в то, что любые сложившиеся в западных странах практики эффективны там и применимы, без какой-либо их коррекции, в наших условиях. При этом наблюдаются также систематическое запаздывание и вообще странный характер их переноса на нашу почву: мы заимствуем на Западе в основном те практики, от которых там начинают отказываться.

В заключение отметим, что в условиях, когда в нашей стране уделяется столь гипертрофированное внимание тому, как российская наука выглядит в базах данных Корпорации Томсона, имеет смысл учитывать и то, как ее оценивает сама эта Корпорация. В аналитическом отчете Корпорации, вышедшем в январе 2010 года и посвященном состоянию российской науки, действительно отмечается снижение ее вклада в мировую науку в период 1994–2006 гг., что подается авторами Отчета как тенденция, с одной стороны, достаточно парадоксальная, с другой, – вполне понятная на фоне уровня финансирования российских исследовательских институтов, который оценивается в Отчете как составляющий 3–5% от уровня финансирования исследовательских учреждений

[8] Цитирование с целью опровержения автора или демонстрации его некомпетентности.

аналогичной численности в США. Отмечается и то, что по «валовым» показателям вклада в мировую науку Россия сейчас отстает от целого ряда стран, которые раньше опережала, – Китая, Индии, Канады, Австралии и др. Вместе с тем, ситуация в нашей науке характеризуется как неоднозначная. Авторы Отчета подчеркивают, что ухудшение ее мировых позиций в «науках 20-го века», таких как физика и технические науки, сочетается с улучшением в «науках 21-го века», таких как нейронауки и науки о поведении. Отмечается и то, что снижение общего представительства российской науки в мировой в 1994–2006 годах до 22 000 статей в год впоследствии – в 2007–2008 годах – сменилось его повышением до 27 600 статей [38].

Но, главное, общий тон отчета Корпорации Томсона в отношении российской науки полон сочувствия и одновременно оптимизма. А завершается он констатацией необходимости не более активного включения российской науки в мировую, а *равноправного сотрудничества с нашей наукой других стран.* Три же последние фразы звучат особенно поучительно. «Выгоды партнеров России обещают быть значительными уже хотя бы в силу ее исторического вклада в науку. Но эти партнеры должны обеспечить финансовые ресурсы для участия России в сотрудничестве. Вложения в российскую науку впоследствии принесут финансовые и интеллектуальные дивиденды для всего мира» [38, p. 80].

Литература

1. *Иванова Е. А.* Использование показателей публикационной активности ученых в практике управления наукой (обзор обсуждаемых проблем) // Социология науки и технологий. 2011. Т. 2. № 4. С. 61–72.
2. World Social Science Report. Paris: UNESCO Publishuing, 2010.
3. *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Публикации российских авторов в зарубежных журналах по общественным дисциплинам в 1993–2008 гг.: количественные показатели и качественные характеристики. Препринт WP6 /2009/02.
4. *Мотрошилова Н. В.* Недоброкачественные сегменты наукометрии // Вестник РАН. 2011. № 2. С. 134–146.
5. *Гусейнов А. А., Рубцов А. В.* Наука и власть: взаимодействие и оценка результативности // Измерение философии: Об основаниях и критериях оценки результативности философских и социогуманитарных исследований / Под ред. А. В. Рубцова. М.: ИФРАН, 2012. С. 136–143.
6. *Fuller S.* Science. Birmingham: Open University Press, 1997.
7. *Price D. de S.* Little science, big science. New York: AP, 1963.
8. WoS, Master Journallist. База данных. [Электронный ресурс]: http://science.thomsonreuters.com/mjl/.
9. *Hargens L.* Using the literature: Reference networks, reference contexts, and the social structure of scholarship // American sociological review. 2000. Vol. 65. P. 148–163.

10. *Рогов С. М.* Россия должна стать научной сверхдержавой // Вестник РАН. 2010. № 2. С. 579–590.
11. *Федотова В. Г.* Социальные инновации как основа процесса модернизации общества // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 3–16.
12. *Романовский М. Ю.* Публикационная активность организаций естественнонаучного профиля в России и за рубежом // Вестник РАН. 2010. Т. 80. № 12. С. 1059–1063.
13. *Гусев А. И.* Российская наука и уральские ученые в зеркале цитирования // Вестник Уральского отделения РАН. 2009. № 4 (30). С. 50–59.
14. *Огурцов А. П.* Импакт фактор: его возможности и изъяны // Измерение философии: Об основаниях и критериях оценки результативности философских и социогуманитарных исследований / Под ред. А. В. Рубцова. М.: ИФРАН, 2012. С. 99–107.
15. *Kornhauser W.* Scientists in industry conflict and accommodation. Berkeley: University of California Press, 1962.
16. *Плюснин Ю. М.* Эпистемология и стратегия научного поиска // Наука. Инновации. Образование. М.: Языки славянской культуры, 2007. Вып. 2. С. 74–95.
17. *Юревич А. В.* Социальная психология науки. СПб.: РХГИ, 2001.
18. *Петров М. К.* Философские проблемы «науки и науке». Предмет социологии науки. М.: РОССПЭН, 2006.
19. *Subbotsky E.* Moving from Russia to the UK: Challenges for a developmental psychologist // Bull. of Brit. And east Europ. Psychol. Group. 2009. № 28.
20. *Toomela A.* 60 Years in Psychology Has Gone Astray // Integrative Psychology & Behavioral Science. 2007. Vol. 41. № 1. P. 75–82.
21. *Юревич А. В., Цапенко И. П.* Нужны ли России ученые? М.: URSS, 2001.
22. *Юревич А. В., Цапенко И. П.* Наука в современном российском обществе. М.: Институт психологии РАН, 2010.
23. *Полетаев А. В.* Общественные и гуманитарные науки в России в 1998–2007 гг.: количественные характеристики. WP6/2008/07. М.: ГУ ВШЭ, 2008.
24. *Мотрошилова Н. В.* О реальных факторах, объясняющих неоправданность истолкования показателей цитирования как точных инструментов оценки эффективности научно-исследовательского труда // Измерение философии: Об основаниях и критериях оценки результативности философских и социогуманитарных исследований / Под ред. А. В. Рубцова. М.: ИФРАН, 2012. С. 118–135.
25. *Юдин Б. Г.* Измерение научной продуктивности и добросовестность в исследованиях // Измерение философии: Об основаниях и критериях оценки результативности философских и социогуманитарных исследований / Под ред. А. В. Рубцова. М.: ИФРАН, 2012. С. 60–75.
26. *Karpov Y. V.* The Neo-Vygotskian approach to child development. Cambridge, 2005.

27. *Аджиев В.* G7 и Россия на мировой карте науки. Показатели эффективности и качества научной продукции разных стран в 2005–2009 гг. // Троицкий вариант. 2010. 3 авг. (№ 59). С. 10–11.
28. Human Development Report 2009 [Электронный ресурс]: www.undp.org.
29. 2010 Quality of Life Index [Электронный ресурс]: http://international-living.com/2010/02/quality-of-life-2010.
30. Science and Engineering Indicators 2010 [Электронный ресурс]: www.nsf.org.
31. Wikipedia (по данным Всемирного банка) [Электронный ресурс]: http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_(PPP)_per_capita.
32. *Богатов В. В.* Можно ли доверять Science Citation Index? // Вестник ДВО РАН. 2006. № 6. С. 149–155.
33. *Адлер Р., Эвинг Дж., Тейлор П.* Статистики цитирования // Игра в цифирь или как теперь оценивают труд ученого: Сб. статей по библиометрике. М.: Изд-во МЦНМО, 2011. С. 6–38.
34. *Лоуренс П. А.* Потерянное при публикации: как измерение вредит науке // Игра в цифирь или как теперь оценивают труд ученого: Сб. статей по библиометрике. М.: Изд-во МЦНМО, 2011. С. 39–45.
35. *Кемпбелл Ф.* Бегство от импакт-фактора // Игра в цифирь или как теперь оценивают труд ученого: Сб. статей по библиометрике. М.: Изд-во МЦНМО, 2011. С. 46–51.
36. *Арнольд Д., Фаулер К.* Гнусные цифры // Игра в цифирь или как теперь оценивают труд ученого: Сб. статей по библиометрике. М.: Изд-во МЦНМО, 2011. С. 52–62.
37. *Best J.* Damned lies and statistics: untangling the numbers from media, politicians, and activists. Berkeley: University of California Press, 2001.
38. Global research report – Russia: Research and collaboration in the new geography of science. January 2010 [Электронный ресурс]: http://researchanalytics.thomsonreuters.com/m/pdfs/grr-russia-jan10.pdf.